

Медицинская психология в России. 2022. Т. 14, № 1.
Med. psihol. Ross., 2022, vol. 14, no. 1.

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья
УДК 159.9(092)

О светлом образе российского психиатра Сергея Сергеевича Корсакова

Юрий Владимирович Ковалев

Ижевская государственная медицинская академия, Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация, psy.igma@yandex.ru

Аннотация. Современники считали, что самое любопытное и даже загадочное в С.С. Корсакове — его совершенно исключительные морально-этические особенности. Указанная грань личности великого психиатра отражена в воспоминаниях людей, так или иначе знавших Сергея Сергеевича. Использованы также более или менее известные биографические материалы, в основном, изданные в первой половине XX в. Молодые читатели найдут немало поводов гордиться ярким представителем отечественной психиатрии, который был не только выдающимся ученым, педагогом, организатором дела помощи душевнобольным, но и нравственным гением.

Ключевые слова: Сергей Сергеевич Корсаков, отечественная психиатрия, нравственно-этические особенности

Для цитирования: Ковалев Ю.В. О светлом образе российского психиатра Сергея Сергеевича Корсакова // Медицинская психология в России: сетевой науч. журн. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 3. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

THE HISTORY OF MEDICAL PSYCHOLOGY

Original article

About the bright image of the Russian psychiatrist Sergei Sergeevich Korsakov

Yuri V. Kovalev

Izhevsk State Medical Academy, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation, psy.igma@yandex.ru

Abstract. Contemporaries believed that the most curious and even mysterious thing about S.S. Korsakov was his absolutely exceptional moral and ethical features. This facet of the personality of the great psychiatrist is reflected in the memories of people who somehow knew Sergei Sergeevich. More or less well-known biographical materials were also used, mainly published in the first half of the XX century. Young readers will find many reasons to be proud of a bright representative of Russian psychiatry, who was not only an outstanding scientist, teacher, organizer of the cause of helping the mentally ill, but also a moral genius.

Keywords: Sergei Sergeevich Korsakov, domestic psychiatry, moral and ethical features

For citation: Kovalev Yu.V. About the bright image of the Russian psychiatrist Sergei Sergeevich Korsakov. *Med. psihol. Ross.*, 2022, vol. 14, no. 1, p. 3. (In Russ.). Available at: <http://mprj.ru>

Приезжая в Москву, я несколько раз останавливался в гостинице «Ярославская». Чистенькая хрущевка с географически удобным расположением, недорогое проживание, предлагается даже скромный завтрак. Единственное «но» — окна на кладбище. Это Алексеевское кладбище, точнее, то, что от него сохранилось к сегодняшнему дню в огромном районе Останкино. Именно там и был похоронен великий русский психиатр Сергей Сергеевич Корсаков. Могила его, к сожалению, утеряна. Однако налицо очевидный факт: расстояние от «Клиники Корсакова» до места его упокоения — более 10 км. Десять километров тяжелый гроб с телом довольно полного человека несли на руках, несли по не очень хорошей дороге в весеннюю распутицу. Процессию, растянувшуюся на километр, составляли тысячи людей, пришедших на скорбное прощание не по служебным обязанностям, и даже, смею сказать, не из-за очевидных научных заслуг усопшего, а по зову сердца. Провожали человека не просто очень хорошего, а хорошего по-особенному, светлого и ангелоподобного. И думали те, кто пришел проститься, что ушел из земной жизни обладатель редкостной душевной красоты, и не верилось им, что теперь его не стало и некому будет согреть нуждающихся столь необыкновенным внутренним теплом!

В годовщину смерти С. С. Корсакова профессор Л. М. Лопатин, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», написал следующие строки: «Чем больше думаешь, тем тверже укрепляется сознание, что такие люди встречаются редко...».

Рис. 1. Сергей Сергеевич Корсаков (1854—1900), гравюра 1901 г.

Гениальность может быть признаком моральной исключительности человека, и тогда являются святые, праведные люди с необыкновенно ясным сознанием долга, с необыкновенно тонким и отзывчивым нравственным чувством, с непоколебимо твердой нравственной волей и непобедимым господством голоса совести над всеми низменными побуждениями и над всеми обычными слабостями человеческой природы. Гениальность в какой-либо области — вещь очень редкая в жизни. С. С. Корсакова можно причислить к моральным гениям, и в этом самый корень его личности и самое дорогое, и незаменимое ее качество. Есть люди, нравственная высота которых не есть результат благоприятной случайности или не зависящего от них стечения обстоятельств, она

составляет одно целое с ними, она присуща им как некий врожденный дар или талант. Как все истинные таланты, такие люди постоянно работают над собой, они не могут не работать в известном направлении, подобно тому, как прирожденный музыкант не может не играть, а прирожденный скульптор не может не лепить. Основными чертами характера таких людей становятся необыкновенная совестливость и строгость к себе, поразительная гуманность и чуткость к чужой душевной жизни, безграничная доброта и ничем не возмутимая кротость, сочетающаяся с огромной силой воли и твердостью принципов и взглядов [1].

Самое любопытное и даже загадочное в С.С. Корсакове — совершенно исключительный строй его нравственного характера [2]. Он не был похож на других людей. В его деятельности не имели место личные мотивы — самолюбия, честолюбия или личного расчета [3].

Он «унаследовал от матери характер, поразительную мягкость, безграничную деликатность, своеобразное духовное целомудрие при необыкновенной нравственной чуткости» [4, с. 7].

Рис. 2. Мать С. С. Корсакова — Акилина Яковлевна

Когда Корсакову было 12 лет, он составил «Правила жизни». В своем дневнике написал он следующие строки: «Если случится повод что-нибудь доброе сделать, следуй этому поводу, а от всякого зла уходи или усовещивай его прекратить; обличай делающих беззаконие для того, чтобы они раскаялись, но не насмехайся над недостатками ближнего твоего; слушайся повелевающих тебе добро, но злу всякому препятствуй; давай добрые советы даже сопернику твоему... Будь ко всем справедлив. Если что получишь, делись и не оставляй себе более половины; что дадут тебе в подарок, иногда бери... Будь терпелив и снослив, прощай всем и все; не будь ленивым... Будь миротворцем, а не разлучителем. Люби всех» [5].

Рис. 3. Сережа Корсаков с братом Николаем

Через пять лет после написания этих «правил жизни» Корсаков опять пересмотрел их и написал, прочитав эту тетрадь, что приятно удивлен тому, что нашел в ней: «Она для меня останется вечным памятником того, как я был когда-то хорош и добр». В этом было немало известной юношеской сентиментальности. На эту последнюю черту указывала его невеста Анна Константиновна Барсова. В 1872 г. он писал: «Она хотела просто указать на преобладание чувств над деятельностью... Знамя чувства — любовь, знамя деятельности — служение человечеству» [4].

По свойственной живости характера, помимо учения, Корсаков был активным участником всех внешкольных мероприятий: участвовал в ученических спектаклях, активно сотрудничал в издававшемся гимназическом рукописном журнале, писал стихи и повести [Там же].

«С точки зрения этики и рассудка, гораздо выше конкуренции кооперация, т. е. совместная дружная работа для достижения поставленной цели... Это основной принцип кооперативной деятельности — принцип братского взаимодействия, — говорил Сергей Сергеевич при открытии Московского общества невропатологов и психиатров. — Мы должны помогать друг другу... Взаимосвязь и взаимодействие... больше всего объединяет людей, служащих одному делу» — учил он [Там же. С. 8].

«Если бы я был Диогеном, то, встретив Корсакова, потушил бы фонарь свой», — сказал один его товарищ, еще в эпоху его студенчества [3, с. 10].

Молодой Корсаков обладал чрезвычайно добрым и чутким сердцем. Рад был оказать помощь и услугу каждому, кто обращался к нему даже в период наибольшего напряжения его общественной деятельности. В кружке своих товарищей по ординатуре он привык, не конфузясь, говорить публично [6]. Он был натурой, чуждой себялюбия. Вкладывал всю душу в дело организации лечебницы. Все до крайних мелочей было предусмотрено, чтобы внешне лечебное заведение походило на пансион, на санаторий [7; 8].

Рис. 4. Молодой психиатр С. С. Корсаков

Как лечащий врач С. С. Корсаков пользовался большой популярностью. Его знали самые широкие круги трудящихся, бескорыстие делало его доступным и для неимущих больных. Он очень быстро стал врачом, что называется, нарасхват, урывавшего для лечебницы часы от своего отдыха.

Сергей Сергеевич считал важным условием успешности лечения привязанность больных к учреждению и персоналу, настаивал на необходимости для врачей входить в личную жизнь больных и быть для них не только врачами, но и друзьями. «Кто из нас не покраснел бы, если бы ему пришлось сознаться Сергею Сергеевичу, что прибегает ещё к связыванию своих пациентов», — отмечал психиатр Н.Н. Баженов [4, с. 23].

Вечерами и ночами он подходил к тем больным, которых могло успокоить или утешить его присутствие. У постели больных сам он был не профессором, не директором, а врачом-другом, который не гнушался никакими функциями: он сам вводил зонд, сам кормил из рук, сам катетеризировал, сам извлекал пальцем каловые массы из прямой кишки, если этого требовала польза больного [9]. Если нужно, он брал на себя обязанности надзирателя или сиделки, не жалея своего времени, не щадя своих сил, лишь бы научить окружающих и показать на примере, как проводится в жизнь психиатрического учреждения принцип «нестеснения» [4].

Среди больных для него не существовало интересных и неинтересных, не существовало ни сословий, ни состояний, ни национальностей, ко всем без различий он относился с одинаковым вниманием и любовью [3; 10].

Пациенты видели заботу о них Сергея Сергеевича, всегда с нетерпением ждали его появления, понимали и ценили его отношение к ним. Глубоко проникаясь страданиями других, Корсаков уже одним видом своим производил на больных сильное целебное впечатление. Известны такие случаи, когда больные с тяжелой депрессией сознавались, что их удержала от самоубийства не столько бдительность медицинского персонала, сколько боязнь огорчить Сергея Сергеевича. Пациенты клиники привыкли непринужденно и просто обращаться к нему за помощью. Каждый человек, не желавший открываться никому другому, с охотой и готовностью открывал все Сергею Сергеевичу, уверенный в том, что он все поймет, поможет разобраться в самом себе, поддержит в горе, укажет выход [11].

Сознание долга и перед больными, и перед учениками заставляло Корсакова всегда быть впереди, идти навстречу опасности и браться за самую тяжелую работу. Сергей Сергеевич первый шел к опасно возбужденному больному, сам подробно обследовал его, как бы трудно это ни было. С расстроенною деятельностью сердца и одышкой за несколько месяцев до смерти он сам мерил температуру у больного эпилепсией, переведенного в его психиатрическую клинику из неврологии и находящегося в состоянии крайнего возбуждения [12].

Забота о больных, о том, как бы сделать пребывание их в клинике наиболее приятным, побуждала Корсакова устраивать различного рода спектакли, музыкальные и увеселительные вечера. По словам очевидцев, эти вечера отличались простотой, живым весельем и семейным характером [13]. Всех служащих в клинике Сергей Сергеевич старался приучить к такому обращению с больными. Перед ним больше, чем перед кем-либо, люди боялись показаться с дурной стороны [9].

«Кто из нас, — писал В.П. Сербский, — имевших возможность приходить в близкое соприкосновение с ним, не испытывал всего обаяния его нравственной личности? Кто из ближайших его учеников не прибегал прежде всего к нему во всех своих сомнениях, скорбях и радостях... Он умел совершать свои благодеяния так деликатно, что в сердцах облагодетельствованных им лиц не оставалось ничего, кроме самой восторженной признательности, иногда переходившей в обожание. Одним только он приводил своих признательных поклонников чуть не в отчаяние: он совсем не выносил выражений благодарности. В таких случаях он смущался, терялся, даже серьезно огорчался. Его поразительная мягкость, безграничная деликатность, своеобразное духовное целомудрие соединялись в нем с огромной силою воли и железной твердостью убеждений при необыкновенной чуткости. О нем верно сказали: он был воплощенной совестью для близких к нему людей» [14].

Внимание и заботу распространял и на сотрудников клиники, и на технический персонал.

Отношение его к молодым помощникам-врачам не носило в себе ничего, что напоминало бы об отношениях начальника к подчиненным. К тем из них, кто добросовестно и по убеждению следовал его принципам, он становился строг и требователен, как к самому себе; других он не насиловал и лишь удваивал свою бдительность по отношению к порученному им делу, лично исполняя недоделанное ими, вникая во все мелочи дела; щадя индивидуальность врача, он зорко оберегал интересы и пользу больных. «При свободном живом обмене мыслей, при котором каждый присутствующий может быть не пассивным слушателем, а активным участником, создаются особенно благоприятные условия для творческой деятельности ума, и новые сопоставления, новые комбинации мыслей, новые идеи возникают часто неожиданно для участников и не только освещают предмет, но придают ему особый интерес, усиливающий энергию в работе, и являются источниками научных исследований по тому или другому вопросу... Принцип этих занятий есть взаимопомощь и взаимодействие в работе, а это больше всего объединяет людей, служащих одному делу; а без единства в таких учреждениях, как наши психиатрические, решительно невозможно» [4].

Всякий гнет, малейшее насилие над чьею бы то ни было личностью, хотя бы и с благою целью, не согласовывались с его натурой; но стоило ему подметить в ком-либо стремление к знанию и научным занятиям, как с его стороны являлись предупредительность, поощрение и горячая поддержка [15].

«Взамен цепей Пинель и его ученики придумывали разные приспособления, которые могли бы их заменить. Сам Пинель ввел горячечную куртку, зашнуровывающуюся на спине больного, с длинными рукавами, в которые вкладывались руки; концы рукавов старательно и искусно обводились вокруг туловища и верхних конечностей и завязывались особым узлом. Это горячечная и смирительная куртка или (более длинная) рубаша и до сих пор еще пользуется любовью многих врачей... У нас, где о горячечной рубашке и помину не было, периоды возбуждения проходили

решительно без приступов так называемого «буйства», а только с проявлениями некоторой распушенности, несдержанности и возбудимости, а там, где горячая рубашка была употреблена, там возбуждение доходило до того, что для ухода за больной женщиной приставлено было несколько мужчин» [16, с. 489].

Корсаков отмечал: «Живая душа должна быть во всем и прежде всего в индивидуализации каждого больного. Больной не должен быть номером, а должен быть личностью, хорошо знакомой всем лицам персонально, которые имеют к нему отношение» [Там же. С. 481].

«Эта отзывчивость, это глубокое понимание человеческой души, — пишет учительница Соколова, — этот инстинкт его чуткой души, эта кротость и тонкая деликатность во взгляде, в манере обращения с больными — все это влекло к нему громадную толпу интеллигентного люда» [17].

Сергею Сергеевичу душа человеческая была доступнее, чем кому-либо другому, потому что он подходил к ней с любовью, с мягкостью и лаской, привлекая к себе тем чудным обаянием, которое нам всем было известно, и наиболее замкнутое сердце свободно раскрывалось перед ним [18]. С.С. Корсаков любил людей и не знал ни зависти, ни злобы, ни ненависти, всем прощал и лишь затаенной болью отзывался на недостойные дела и недобрые чувства [17].

Сергей Сергеевич отличался исключительно гуманным отношением к больным. Интересы больных были для него всегда на первом месте, он отдавал им все свое время, знания, опыт. Он был очень требователен к себе и окружающим, особенно когда речь шла об интересах больных. Был всегда доступен для больных благодаря своей исключительной простоте, скромности и мягкости. Н.Н. Баженов отмечал четыре личностные особенности С.С. Корсакова: 1) его бесконечную любовь и жалостливость к больным; 2) его несокрушимую верность тому, что он считал принципиально правильным и истинным; 3) его изумительную энергию и строгость к себе; 4) его самоотверженную настойчивость в работе, граничившую с подвигом [19].

«Первые шаги преподавательской деятельности не удовлетворяли его... Сергей Сергеевич все время легко волновался и смущался, если приходилось говорить перед большим числом слушателей. Крайне скромный, он недооценивал своих сил и способностей» [9; 17].

«Он говорил просто и свободно, невольно увлекался своим предметом и увлекал своих слушателей проникновенностью своей речи и собственным воодушевлением. К лекциям Сергей Сергеевич всегда готовился очень тщательно — и не только к клиническим, но и к систематическому курсу. Его курс не представлял собой неподвижной системы, отлившейся в окончательную форму, в лекциях его целиком отражалась эволюция его собственных научных воззрений» [9]. Лекции Корсакова отличались ясностью, простотой и картинностью изложения. Он не обладал ораторским талантом; эффектная фраза его не привлекала. Однако лекции не были сухим изложением предмета, они были проникновенны, в них чувствовалось горячее желание просветить юные головы слушателей. Добрые глаза отечески следили за студентами, переходя от одного к другому, как бы проверяя, понятно ли всем содержание лекций [20].

К занятиям со студентами и врачами С.С. Корсаков также всегда готовился самым добросовестным образом. «На нас, студентов, С.С. Корсаков производил чарующее впечатление и как ученый, и как лектор, и как человек. Нас особенно поражал его подход к душевнобольным: он действовал успокаивающе на самых возбужденных и ободряюще — на самых депрессивных», — писал в 1901 г. врач Н. П. Постовский [Там же].

Сергей Сергеевич при своих исследованиях-расспросах умел наладить тесную связь с больным, мог раскрыть мягким, знающим, проникающим во все изгибы души

словом внутренний мир больного, иногда тщательно и настойчиво оберегаемый им от постороннего вмешательства. Излагал свои мнения он необычайно просто. И на профессорской кафедре Корсаков являлся обыкновенным человеком. Его научная речь состояла из простых слов, которыми он излагал глубокие суждения и ясные заключения о предметах трудно усвояемых. Ему не нужны были ораторские приемы, которые придают изложению с формальной стороны блестящий характер. Трудные отвлеченные понятия умел облекать в простые, безыскусственные формы повседневной речи [12; 20].

Он был лучшим другом студентов, он радовался их радостям, болел их горестями и приходил на помощь в тяжелые минуты жизни и с материальной поддержкой, и с душевным советом. С присущей только ему деликатностью он умел оказать помощь бедному студенту или сделать какое-нибудь доброе дело так, чтобы никто не догадался, что это он. Известно, как часто посылал он личные деньги нуждающимся «от неизвестного лица», известно, как часто вносил он из личных средств плату за обучение того или иного студента [21].

Корсаков считал, что звание врача налагает обязанность быть представителем науки и активного человеколюбия [20].

«Мы должны помогать друг другу в достижении знания, не заботясь о том, кому первому придется его достигнуть» (Протоколы заседания Общества невропатологов и психиатров, состоявшегося при Московском университете, М., 1892, стр. 3). «Нужны ли указания в работе, научная справка, либо редкая книга, встретились ли денежные затруднения, возникли ли какие-либо недоразумения в общественных и даже семейных отношениях, нужен ли совет у постели больного, — мы всегда без малейшего колебания шли к Сергею Сергеевичу, не справляясь, есть у него для этого время, — и время всегда находилось. Широкая помощь, нравственная и материальная, начинающим врачам, любовная забота о студентах, мудрая помощь больным как своим задушевым отношением, так и денежными средствами, — постоянные и неизменные спутники отзывчивого на все доброе Сергея Сергеевича» [14].

Приват-доцент Московского университета Н.А. Иванцов в годовщину смерти С.С. Корсакова произнес речь от Московского психологического общества. Он говорил следующее: Сергей Сергеевич, «человек, умевший мягко и любовно, с необыкновенной сердечной теплотой относиться ко всем, с кем его сталкивала жизнь... Он представлял собою живое, напряженное воплощение личной и общественной совести, воплощение неусыпного сознания своего нравственного долга, постоянной ответственности перед своим человеческим достоинством. Таких людей всегда было мало; теперь они — исключение. Это был человек, воистину чистый сердцем. В наше время умственного расцвета и усиленной экономической борьбы люди выдающегося ума и неустанной энергии не редкость. Но ум этот сплошь да рядом является орудием эгоистических страстей, а энергия направлена на интересы корысти и прокладывание себе дороги в жизни... Постоянное внутреннее сознание своего нравственного долга освещало у покойного ум и волю и заражало собою всех, кому приходилось с ним сталкиваться... Он стоял перед нами как живая совесть, которая в нас самих все больше и больше смолкает, ибо живем мы в трудное время и все более теряем мерило нравственной оценки вещей... Его совесть была всегда ясна и чутка и за себя, и за других и была заразительна. Он умел будить в других то, что без него, быть может, долго бы молчало» [4, с. 162–163].

«В 1888 г. Сергей Сергеевич написал стихотворение, посвященное памяти его друга Ф.А. Юрева:

В беседе дружеской, в словах,
Случайно сказанных, — везде
Твердил он о любви, добре,

О жизни разума достойной,
И о значении в мире стройной,
Как хоры, связи всех явлений
И человеческих хотений.
Он жил и делал, как учил.
Все, в чем душа есть, он любил,
Всему прекрасному молился,
Со всем нечистым, лживым бился.

Эти слова, бесспорно, могут служить эпитафией самому С.С. Корсакову» [6, с. 40].

Профессор Г. И. Россолимо в своем приветственном слове членам I Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров накануне его открытия в Москве в декабре 1927 г. постарался воскресить в памяти образы некоторых из покойных выдающихся участников I съезда отечественных психиатров (1887 г.), говорил об их внешнем облике, эмоционально-волевых особенностях. Так, о С.С. Корсакове он сказал следующее: «С.С. Корсаков, еще молодой, но уже достаточно тучный, хотя и подвижный, озабоченно стремящийся, всегда в развевающемся черном сюртуке и белом фуляровом галстуке, с беспорядочно то лежащими, то торчащими длинными тонкими волосами, прикрывающими небольшую лысину, с окладистой темно-русой бородой, с обычно улыбающимися глазами-щелками и слегка вывороченной нижней губой. Речь осторожная, с запинками, точно от горлового спазма, негромким теноровым голосом. Со всеми осторожно ласков, но неумолимо правдив и неподкупен». (Сб. психоневрологии, посвященный А. И. Ющенко. Ростов-на-Дону. 1928, стр. 4) [6].

При подготовке Международного съезда врачей С.С. Корсаков участвовал более чем в 100 заседаниях исполнительного и организационного комитета, собирал заседания специальных организационных комиссий, вел бесчисленные переговоры, разъезжал по Москве, ездил в Петербург, поспевал всюду, где боялся упущений — даже в делах, не ему порученных, хлопотал, проверял, распоряжался, поднял на ноги многих молодых и старых врачей; часто не успевал пообедать, проводил бессонные ночи в заботах и вынес на своих плечах большую часть организации съезда [17].

Накануне смерти, 30 апреля, Сергей Сергеевич написал карандашом на листочке бумаги стихотворение «Море» и положил исписанный листок на рядом стоявший столик, не сказав никому ни слова о том, что написал прощальные стихи.

В этом стихотворении выражена мысль о том, что неприступные вершины горя и мрака должны быть омыты теплыми человеческими слезами, которые вызывает солнце — любовь. Таким тихим, гармоничным аккордом любви к людям прозвучало умирающее сердце Сергея Сергеевича; в этой любви был глубокий, светлый источник его жизни. Вот это стихотворение:

Тихо плещет море
Ластясь к берегам,
Хочет смыть с них горе,
Передать волнам.
Волны разбегутся,
Горе унесут,
С счастьем вернуться,
Берег им зальют.
Но не смыть им горя
С мрачных, серых скал:
Нет сил у моря
К ним добросить вал.
И стоят громады,
Мрачно вниз глядя,

Но вот светом ярко
Засиял Восток,
Поцелуй шлет жаркий
Солнце в волн поток.
И тепло вбирают
Капли вод с лучом,
К небесам взлетают,
Падают дождем.
Горе с них смывают,
Точно слез струей,
Речками стекают
К глубине морской.
Вечно плещут волны,
Ластясь к берегам,

Нет для них отрады —
Радостного дня.
Море в раздражении
Брызжет и ревет,
В гневном нетерпении
Скал подножье бьет.

С них смывают горе,
Отдают волнам.

С. Корсаков».

В свои предсмертные минуты, в забытии он говорил: «Счастлив тот, кто может сказать своему стихийному «Я»: "Стой и подчиняйся высшему, духовному" (сообщено братом, профессором Н. С. Корсаковым) [4].

Рис. 5. С. С. Корсаков незадолго до смерти (апрель 1900 г.)

Нашей кафедрой заведовала добрейшая Валентина Николаевна Белоусова, с которой мы познакомились еще года за три до собственно психиатрии. Валентина Николаевна читала первокурсникам медицинскую психологию. Ее лекции по психиатрии запомнились плавным, неторопливым изложением предмета и особенно тщательным клиническим анализом представленных больных.

«Все мы, так или иначе, ученики Корсакова», — говорила Валентина Николаевна на лекциях, заседаниях кружка, клинических разборах, больничных конференциях. — Вот вы — мои ученики, а я — ученица Бориса Давыдовича Фридмана, а он учился психиатрии у Петра Борисовича Ганнушкина, а Петр Борисович — у Сергея Сергеевича Корсакова. Поэтому все мы — ученики Корсакова». Думается, что сказанное Валентиной Николаевной так или иначе относится ко всем российским психиатрам.

Рис. 6. Профессор Валентина Николаевна Белоусова (1911–2006)

Список источников

1. Лопатин Л.М. Личность и мирозерцание С.С. Корсакова. (Речь, произнесенная на соединенном заседании Московского психологического общества и Общества невропатологов и психиатров 1 октября 1901 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Т. XII, № 5 (60). – С. XXXIX–XLIX.
2. Лопатин Л.М. Памяти С.С. Корсакова. (Речь, произнесенная на экстренном заседании Психологического общества 6 мая 1900 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Т. XI, № 3 (53). – С. V–VIII.
3. Бернштейн А.Н. Психологические и философские воззрения С.С. Корсакова. (Речь, произнесенная на соединенном заседании Московского психологического общества и Общества невропатологов и психиатров 1 октября 1901 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Т. XII, № 5 (60). – С. L–LXXVIII.
4. Банщиков В.М. С.С. Корсаков (жизнь и творчество). – М.: Всесоюзное научное медицинское общество невропатологов и психиатров, 1967. – 340 с.
5. Леви В.Л. Почерк жизни: Сергей Сергеевич Корсаков [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: http://levi.ru/problemariy/index.php?id_catalog=126&id_position=446 (дата обращения: 13.11.2021).
6. Эдельштейн А.О. С.С. Корсаков. – М.: МЕДГИЗ, 1948. – 116 с.
7. Рощеня Д.А. Больница имени нелюбимого [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: <http://miloserdie.ru> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Юдин Т.И. Московская психиатрическая школа и общественная психиатрия // 50 лет психиатрической клиники им. С.С. Корсакова / под ред. М.О. Гуревича, А.О. Эдельштейна. – М., 1940. – С. 25–28.
9. Рот В.К. С.С. Корсаков как человек и общественный деятель. (Речь, произнесенная на соединенном заседании Московского психологического общества и Общества невропатологов и психиатров 1 октября 1901 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Т. XII, № 5 (60). – С. I–XII.

10. Жариков Н.М. С.С. Корсаков и развитие отечественной психиатрии // Научные исследования и проблемы преподавания в психиатрии. – М., 1987. – С. 5–7.
11. Муратов В.А. Памяти профессора Сергея Сергеевича Корсакова // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. – 1900. – № 5. – С. 323–330.
12. Мицкевич С.И. Замечательный ученый, врач-гуманист // 50 лет психиатрической клиники им. С.С. Корсакова / под ред. М.О. Гуревича, А.О. Эдельштейна. – М., 1940. – С. 24.
13. Богданов И.О. Толстые и их соседи [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: <https://bogdan-63.livejournal.com/5062659.html> (дата обращения: 06.10.2021).
14. Сербский В.П. К характеристике научного значения Сергея Сергеевича Корсакова. (Речь, произнесенная на соединенном заседании Московского психологического общества и Общества невропатологов и психиатров 1 октября 1901 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Т. XII, № 5 (60). – С. XIII–XXXVIII.
15. Рот В.К. Речь, произнесенная на могиле С.С. Корсакова 4 мая 1900 г. // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Т. XI, № 3 (53). – С. VIII–X.
16. Корсаков С.С. Избранные произведения. – М.: МЕДГИЗ, 1954. – 772 с.
17. Рот В.К. С.С. Корсаков. (Некролог). 22.I.1854—1.V.1900 // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1901. – № 1. – С. 1–40.
18. Токарский А.А. Памяти С.С. Корсакова (Три речи) // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Т. XI, № 3 (53). – С. X–XIX.
19. Баженов Н.Н. Речь, посвященная С.С. Корсакову, произнесенная на экстренном заседании Общества невропатологов и психиатров при Московском университете 5 мая 1900 г. // Медицинское обозрение. – 1900. – Т. 53. – С. 955.
20. Постовский Н.П. С.С. Корсаков как клиницист-преподаватель. (Речь, произнесенная на соединенном заседании Московского психологического общества и Общества невропатологов и психиатров 1 октября 1901 г.) // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Т. XII, № 5 (60). – С. LXXIX–XCII.
21. Мельников-Разведенков Н.Ф. Из воспоминаний о С.С. Корсакове как университетском и общественном деятеле. Речь на конференции врачей Харьковской губернской Земской больницы 10 сент. 1910 г. – Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и с-вья, 1910. – 10 с.

References

1. Lopatin L.M. Lichnost' i mirosozertsanie S.S. Korsakova. (Rech', proiznesennaya na soedinennom zasedanii Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva i Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov 1 oktyabrya 1901 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, vol. XII, no. 5 (60), pp. XXXIX–XLIX. (In Russ.).
2. Lopatin L.M. Pamyati S.S. Korsakova. (Rech', proiznesennaya na ekstrennom zasedanii Psikhologicheskogo obshchestva 6 maya 1900 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1900, vol. XI, no. 3 (53), pp. V–VIII. (In Russ.).
3. Bernshtein A.N. Psikhologicheskie i filosofskie vozzreniya S.S. Korsakova. (Rech', proiznesennaya na soedinennom zasedanii Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva i Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov 1 oktyabrya 1901 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, vol. XII, no. 5 (60), pp. L–LXXVIII. (In Russ.).
4. Banshchikov V.M. *S.S. Korsakov (zhizn' i tvorchestvo)*. Moscow, Vsesoyuznoe nauchnoe meditsinskoe obshchestvo nevropatologov i psikhiatrov Publ., 1967. 340 p. (In Russ.).
5. Levi V.L. *Pocherk zhizni: Sergei Sergeevich Korsakov*. 2011. (In Russ.). Available at: http://levi.ru/problemariy/index.php?id_catalog=126&id_position=446 (accessed 13 November 2021).
6. Edel'shtein A.O. *S.S. Korsakov*. Moscow, MEDGIZ Publ., 1948. 116 p. (In Russ.).
7. Roshchenya D.A. *Bol'nitsa imeni nelyubimogo*. 2014. (In Russ.). Available at: <http://miloserdie.ru> (accessed 12 November 2021).

8. Yudin T.I. Moskovskaya psikhiatricheskaya shkola i obshchestvennaya psikhatriya. In: Gurevich M.O., Edel'shtein A.O., eds. *50 let psikhiatricheskoi kliniki im. S.S. Korsakova*. Moscow, 1940, pp. 25–28. (In Russ.).

9. Rot V.K. S.S. Korsakov kak chelovek i obshchestvennyi deyatel'. (Rech', proiznesennaya na soedinennom zasedanii Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva i Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov 1 oktyabrya 1901 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, vol. XII, no. 5 (60), pp. I–XII. (In Russ.).

10. Zharikov N.M. S.S. Korsakov i razvitie otechestvennoi psikhatrii. *Nauchnye issledovaniya i problemy prepodavaniya v psikhatrii*. Moscow, 1987, pp. 5–7. (In Russ.).

11. Muratov V.A. Pamyati professora Sergeya Sergeevicha Korsakova. *Obozrenie psikhatrii, nevrologii i eksperimental'noi psikhologii*, 1900, no. 5, pp. 323–330. (In Russ.).

12. Mitskevich S.I. Zamechatel'nyi uchenyi, vrach-gumanist. In: Gurevich M.O., Edel'shtein A.O., eds. *50 let psikhiatricheskoi kliniki im. S.S. Korsakova*. Moscow, 1940, p. 24. (In Russ.).

13. Bogdanov I.O. *Tolstye i ikh sosedi*. 2012. (In Russ.). Available at: <https://bogdan-63.livejournal.com/5062659.html> (accessed 06 October 2021).

14. Serbskii V.P. K kharakteristike nauchnogo znacheniya Sergeya Sergeevicha Korsakova. (Rech', proiznesennaya na soedinennom zasedanii Moskovskogo psikho-logicheskogo obshchestva i Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov 1 oktyabrya 1901 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, vol. XII, no. 5 (60), pp. XIII–XXXVIII. (In Russ.).

15. Rot V.K. Rech', proiznesennaya na mogile S.S. Korsakova 4 maya 1900 g. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1900, vol. XI, no. 3 (53), pp. VIII–X. (In Russ.).

16. Korsakov S.S. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, MEDGIZ Publ., 1954. 772 p. (In Russ.).

17. Rot V.K. S.S. Korsakov. (Nekrolog). 22.I.1854—1.V.1900. *Zhurnal nevropatologii i psikhatrii im. S.S. Korsakova*, 1901, no. 1, pp. 1–40. (In Russ.).

18. Tokarskii A.A. Pamyati S.S. Korsakova (Tri rechi). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1900, vol. XI, no. 3 (53), pp. X–XIX. (In Russ.).

19. Bazhenov N.N. Rech', posvyashchennaya S.S. Korsakovu, proiznesennaya na ekstrennom zasedanii Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov pri Moskovskom universitete 5 maya 1900 g. *Meditsinskoe obozrenie*, 1900, vol. 53, p. 955. (In Russ.).

20. Postovskii N.P. S.S. Korsakov kak klinitsist-prepodavatel'. (Rech', proiznesennaya na soedinennom zasedanii Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva i Obshchestva nevropatologov i psikhiatrov 1 oktyabrya 1901 g.). *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, vol. XII, no. 5 (60), pp. LXXIX–XCII. (In Russ.).

21. Mel'nikov-Razvedenkov N.F. *Iz vospominanii o S.S. Korsakove kak universitetskom i obshchestvennom deyatele. Rech' na konferentsii vrachei Khar'kovskoi gubernskoi Zemskoi bol'nitsy 10 sent. 1910 g.* Khar'kov, Tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i s-v'ya Publ., 1910. 10 p. (In Russ.).

Библиографический список

1. Гиляровский, В.А. Роль С.С. Корсакова в развитии теоретических концепций отечественной психиатрии / В.А. Гиляровский // *Избранные труды*. – Москва: Медицина, 1973. – С. 11–22.

2. Гуревич, М.О. Московская психиатрическая клиника в истории отечественной психиатрии / М.О. Гуревич // *50 лет психиатрической клиники им. С.С. Корсакова* / под ред. М.О. Гуревича, А.О. Эдельштейна. – Москва, 1940. – С. 3–8.

3. Знаменитые династии России. Еженедельное издание. Выпуск № 112. Корсаковы и Римские-Корсаковы. – Москва: ООО «Идея центр», 2016. – 32 с.

4. Корсаков, С.С. Письма (1883–1896 гг.) к М.Ф. Беккер / С.С. Корсаков // *Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. – 1912, № 4, с. 579–598; 1912, № 5/6, с. 774–825; 1913, № 1, с. 90–106; 1913, № 2, с. 266–281; 1913, № 3/4, с. 531–563, 1913,

№ 5/6, с. 790; 1914, № 1/2, с. 166–191; 1914, № 3, с. 354–390; 1914, № 4, с. 567–582; 1914, № 5/6, с. 862–917; 1915, № 1, с. 145–168; 1916, № 3, с. 473–495.

5. Мазаева, Н.А. Памяти С.С. Корсакова / Н.А. Мазаева // Психиатрия. – 2004. – № 1. – С. 64–66.

6. Эдельштейн, А.О. Корсаков и реформа психиатрической помощи / А.О. Эдельштейн // 50 лет психиатрической клиники им. С.С. Корсакова / под ред. М.О. Гуревича, А.О. Эдельштейна. – Москва, 1940. – С. 31–33.

7. Эдельштейн, А.О. Психиатрическая клиника им. С.С. Корсакова за 50 лет / А.О. Эдельштейн // 50 лет психиатрической клиники им. С.С. Корсакова / под ред. М.О. Гуревича, А.О. Эдельштейна. – Москва, 1940. – С. 8–23.

Информация об авторе

Юрий Владимирович Ковалев — доктор медицинских наук, профессор; заведующий кафедрой психиатрии, наркологии и медицинской психологии.

Information about the author

Yuri V. Kovalev – doctor of medical sciences, professor; head of the department of psychiatry, narcology and medical psychology.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; прошла рецензирование 17.06.2022; опубликована 06.07.2022.

The article was received 08.06.2022; reviewed on 17.06.2022; published on 06.07.2022.